

АНТАГОНИЗМ ИЛИ СРОДСТВО? СООТНОШЕНИЕ АНТИЧНОГО *TECHNE* И СОВРЕМЕННОГО КОНЦЕПТА ТЕХНИКИ

В статье реконструируется смысловое содержание античного *techne* и предпринимается попытка раскрыть его связь с концептом техники в современной философии. При реконструкции смысла античного *techne* основное внимание уделяется размышлениям Платона и Аристотеля. Автор анализирует эпистемологический, онтологический и антропологический аспекты *techne*, в т.ч. через проблематизацию его оппозиции с понятиями *episteme* и *physis*. В ходе исследования подвергаются проверке гипотезы о возможном тождестве, различии и сродстве античного *techne* и современного концепта техники. С этой целью автор привлекает к анализу различные подходы к концепту техники, включая принцип органопроекции (Э. Капп, М. Маклюэн), акторно-сетевую теорию (Б. Латур), а также социально-политическую интерпретацию техники в полемике Ю. Хабермаса и Г. Маркузе. Автор заключает, что концепт техники в современной философии не тождественен античному *techne*, но сохраняет с ним сродство через общую проблематику.

Ключевые слова: техника, *techne*, философия техники, античная философия, органопроекция

Antagonism or resonance? The interplay between ancient *techne* and the modern concept of technology. NIKOLAI V. KSHEVIN (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

The article reconstructs the semantic content of the ancient concept of *techne* and attempts to reveal its connection to the modern philosophical concept of technology, with a primary focus on the reflections of Plato and Aristotle. The author analyzes the epistemological, ontological, and anthropological aspects of *techne*, notably through a problematization of its opposition to *episteme* and *physis*. The study tests hypotheses concerning the possible identity, difference, and affinity between ancient *techne* and the modern concept of technology. For this purpose, the author draws upon various modern approaches, including the organ projection principle (E. Kapp, M. McLuhan), actor-network theory (B. Latour), and the socio-political interpretation of technology from the debate between J. Habermas and H. Marcuse. The author concludes that the modern philosophical concept of technology is not identical to ancient *techne*, but retains an affinity with it through a shared set of problems.

Keywords: technology, *techne*, philosophy of technology, ancient philosophy, organ projection

Введение

Содержательное наполнение того, что подразумевается под техникой в философии, весьма многообразно, что само по себе подводит нас к вопросу о том, как упорядочить это многообразие,

иными словами, понять его. Это понимание не предполагает наличия строгих и исчерпывающих определений, скорее оно говорит нам о необходимости прояснения проблемных полей вокруг разных вариантов существования концепта техники в

* КШЕВИН Николай Владимирович, аспирант кафедры онтологии и теории познания философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, kshevin.zrb71@gmail.com

© Кшевин Н.В., 2025

философии. Следовательно, при работе с ним следует удерживать в голове вопрос о том, что вообще подразумевается каждый раз, когда философия говорит о технике? Если мы усматриваем преемственность с греческим *technē*, то технику можно отождествить с искусством в наиболее широком смысле этого слова. В то же время о концепте техники можно говорить как о способе описания специфических объектов, которые обладают измерениями эффективности работы, долговечности и полезности, что ставит под вопрос целесообразность обращения к греческому *technē* для их описания. В таком случае возникает целый ряд вопросов, требующих дополнительного прояснения. Во-первых, если мы имеем дело с некоторой линией преемственности, то какие именно тематические элементы античного *technē* наследует современный концепт техники и обязательно ли это наследование? Во-вторых, если это наследование не обязательное, или же его вовсе нет, то что именно мешает нам поставить знак равенства между античным *technē* и тем, как современные философы работают с концептом техники? Иначе говоря, мы намереваемся обратиться к вопросу о том, как соотносится античное *technē* и современный концепт техники, и попытаться выявить, с чем же мы в итоге имеем дело – с тождеством, разрывом или сродством?

Реконструкция античного *technē*

Французский медиолог Режи Дебре отмечает, что существует внутренний антагонизм между философией и техникой, который уходит своими корнями в античность [1, с. 65–66, 69–70]. По мнению Дебре, философия, будучи тем, что происходит из оппозиции *technē* и *epistēmē*, оказывается тяготеющей к вечному и необходимому, противопоставляя себя практическому и опытному [4, с. 281].

На первый взгляд, с утверждением Дебре легко согласиться, т.к. в западной философской традиции противопоставление вечного и преходящего выступает в качестве одного из главных философских сюжетов. Тем не менее, мы считаем, что тезис Дебре о принципиальном антагонизме философии и техники и его корнях в античной традиции требует более глубокого анализа. Представление о напряжении между философией и техникой у Дебре может оказаться продуктивным, т.к. оно отсылает нас к античной традиции и может сообщить что-то существенное об античном понимании *technē* и его связи с современным пониманием техники в философии.

Элементы этого напряжения могут быть обнаружены в критике софистов и противопоставлении их методов тому, как производит свою работу философ у Платона. Так, в диалоге «Софист» мы можем наблюдать ряд операций, позволяющих дать определение тому, кого называют софистом. Эти операции начинаются с достаточно тривиального упражнения – попытки дать определение тому, кто является

рыболовом-удильщиком. Тем, что позволяет вычленировать родовую сущность человека, который ловит рыбу, оказывается его «искусство» рыболовства: владение ответом на вопрос о том, как ловить рыбу, в его практическом применении¹. Определение родовой сущности софиста, трудное на первый взгляд, оказывается теперь задачей куда проще. Это человек, чье искусство – спорить на любую тему.

Для Дебре же основным предметом философского спора в традиционном греческом смысле оказывается скорее должное, которое может быть названо неизменным. Неизменное становится предметом истины, оно вечно. Называть это искусством было бы неверным, т.к. люди обучаются искусству через взаимодействие с вещами. Рыболов ловит рыбу с помощью удочки, софист производит утверждения о вещах с помощью мудрости. Для Платона рыболов и софист являются родами одного порядка, они создают что-то изменчивое в мире, в котором все продолжает меняться [11, с. 85]. Если строго следовать за Дебре, то все искусство (*technē*) оказывается именно об этом – об изменчивом, которое произведено лишь по подобию вечного, и по своей сущности несовершенно. Мы зафиксируем, что для Режи Дебре различие между философией и *technē* выглядит как разница между двумя вопросами – «Что есть это?» и «Как есть это?». Первый вопрос отсылает нас к родовой сущности, к миру неизменного, второй – к частностям, посредством которых что-то оформлено в мире тем или иным образом. И софист, и рыбак могут быть более или менее искусны в том, что они делают, он или является философом, или не является им. Родовая сущность философа обладает иным качеством, она не располагается в одном ряду с рыбаком, плотником и софистом [11, с. 130]. Однако именно это отличие родовой сущности философа позволяет ему задаваться вопросом о том, кто такой софист и кто такой рыбак как таковые.

Несмотря на то, что мы согласились с интуицией Дебре относительно интеллектуального напряжения между техникой и философией, которое происходит из греческой традиции понимания *technē*, и даже привели в пользу этой позиции ряд аргументов, мы считаем, что это напряжение требует дальнейшего уточнения. Поскольку Дебре указывает нам на античные корни обнаруженного им антагонизма, мы считаем разумным еще раз обратиться к этой теме, но уже на ином масштабе рассмотрения. Внесем еще один вопрос, который позволит уточнению состояться: что такого специфического делает философ, что отличает, с точки зрения греческой мысли, его способ действовать и мыслить от *technē*?

¹ Один из общепринятых вариантов перевода *technē* – «искусство» как общее название для всего того, чего изначально не было в природе.

В контексте данного вопроса мы хотели бы вновь вернуться к анализу мысли Платона. Как указывает Е.Ю. Погорельская, искусство-*technē* – это способ. Способ сам по себе не определяет то, на что он будет направлен. В диалоге «Теэтет» искусство Сократа – помогать рождаться истине. Т.е. и у философа, и у софиста есть свое *technē*, разница – в характере его реализации. Кроме того, *technē* философа имеет важную особенность: оно тесно связано с любовью. В диалоге «Пир» наблюдаем формулу: любовь рождает благо [12]. Таким образом, при более глубоком анализе можно заключить, что в мысли Платона нет того антагонизма, который, по мнению Дебре, фундирует антагонизм техники и философии.

Однако было бы странно считать, что утверждение Дебре об антагонизме философии и техники в античной мысли совершенно лишено оснований. Обратимся к статье А.А. Санженакова, в которой затронута тема *technē* как у Платона, так и у Аристотеля [13]. Анализ мысли Платона на примере диалога «Ион» демонстрирует здесь связь между методом (заучивание текста поэзии) и истиной (постижение идеи, заложенной в поэзии). При этом первое, как средство, является маркером второго, но связь между ними не обязательна (знание текста некоторой поэзии автоматически не ведет нас к постижению замысла поэта, но совокупность первого и второго и составляют искусство рапсодов). Это наблюдение соотносится с выводами о мысли Платона применительно к *technē*, которые мы сделали ранее. Однако далее в статье следует анализ мысли Аристотеля, у которого уже явно прослеживается онтологическое различие *epistēmē* и *technē* как двух типов знания. *Epistēmē* – это знание о том, что не может быть иначе, а *technē* – о том, что может быть или не быть. Таким образом, мы наблюдаем деление на знание о вечном и неизменном и знание об изменяющемся, динамичном и нестабильном, что близко к содержанию упомянутого высказывания Дебре.

Какие еще онтологические различия определяют *technē* у Аристотеля? На наш взгляд, небольшая статья Вольфганга Шадевальда, посвященная разделению понятий «природа» и «техника», способна дополнить наш взгляд на этот вопрос [15]. Вернемся к упомянутому ранее противопоставлению *technē* и *epistēmē*. Как уже было сказано, это противопоставление выглядит как деление знания на два типа. Первый выводится из накопления опыта и его практического применения, что делает его почти тождественным по смыслу слову «искусность». Второй тип знания отличается по качеству, он направлен на неизменное и вечное, и именно этот тип применим к тому, что делает философ.

Благодаря тонкой работе с оппозициями вокруг *technē* у Аристотеля Шадевальду удается подчеркнуть набор различий, позволяющий нам лучше понять место *technē* в контексте понятийной сетки античной мысли Аристотеля. Таким образом в смысловую сетку *technē* подключается *physis* в качестве постоянного коррелята: «Фисис для Аристотеля, во-первых, означает в широком смысле становление, бытие или сущность (*Wesen*) всех вещей, которые существуют и как таковые содержат внутри себя источник движения, тогда как процессы становления и производства в технике не происходят в силу собственных внутренних факторов, но инициируются так или иначе человеком» [15, с. 92]. Коротко рассмотрим, как это включение оформлено у Шадевальда. Противопоставление *physis–technē* обосновывается через обращение к пониманию *physis* у Аристотеля, согласно которому в сферу *physis* могут быть включены все вещи, которые имеют причину в самих себе, или же причиной которых выступает «первый двигатель». В противовес этому вещи, причиной которых является человек (все, что само по себе не бывает без его участия), попадают в область *technē*. Подобное рассмотрение добавляет к греческому пониманию *technē* еще одно важное измерение: пара *epistēmē–technē* рассматривается нами как эпистемологическая, в то время как пара *physis–technē*, которая выводится из одного и того же деления на вечное и временное, поднимает онтологическую проблематику, т.к. затрагивает вопросы первопричин. В то же время становится очевидной прочная связь между человеком и *technē*, предопределяющая значимость антропологической проблематики: «В природе возникновение и развитие по направлению к этому результату, форме или конфигурации (эйдос) происходят сами по себе. В технике результат-форма принципиально представляется и конструируется в акте человеческого мышления» [15, с. 100].

Подведем итог тому, что мы можем сказать об античном понимании *technē* применительно к высказыванию Режи Дебре. Он делает слишком широкое обобщение, когда говорит об античных корнях антагонизма между философией и техникой. Такое высказывание оказывается применимо к Аристотелю, но его применимость к Платону сомнительна. Таким образом, утверждение о некоем антагонизме между техникой и философией в античной мысли является преувеличением. Для Аристотеля *technē* оказывается неразрывно связано с проблемой деления на вечное и преходящее, выступая на стороне последнего. Эта проблема может быть рассмотрена с разных аспектов. Эпистемологический аспект демонстрирует нам противопоставление *epistēmē–technē*, в котором последнее представляет тип знания, обладающий

практической применимостью и совершенствующийся со временем. Онтологический аспект демонстрирует нам противопоставление *physis–techne*, в котором последнее представляет все сущее, причина «движения» которого существует не сама по себе, но лишь при участии человека. Данный аспект предполагает возможность *techne* только при посредничестве человека, что делает необходимым включение в рассмотрение антропологической проблематики.

Таким образом, если суммировать характеристики понимания *techne* у Аристотеля и Платона, можно сказать, что общим местом античного толкования *techne* становится проблематизация взаимоотношения практики и знания. Ключевым можно считать вопрос о характере этого взаимоотношения: является ли практика альтернативным видом знания (знание-как) или же это совокупность методов, уловок и хитростей, которые не противопоставляются знанию как таковому, но являются инструментом его достижения?

Современное состояние концепта техники

Выше мы кратко охарактеризовали, какие различия и различия с чем оформляют античное понимание *techne*. Далее мы попытаемся ответить на вопрос, как эти различия работают в современном концепте техники. В случае полного соответствия мы сделаем вывод об их тождестве. Если никаких связей не будет обнаружено, то можно будет констатировать разрыв. Наконец, признаки развития и переосмысления некоторых (или даже всех) аспектов античного понимания *techne* будут свидетельствовать в пользу сродства.

Начнем с анализа антропологической проблематики. Уже у Э. Каппа, которого В.Г. Горохов и В.М. Розин упоминают в качестве одного из первых современных философов техники [2], мы можем обнаружить принцип органопроекции, согласно которому все, что мы так или иначе определяем как технику, функционально уподоблено органам человека [7]. В дальнейшем эта идея получит свое развитие у М. Маклюэна, который поставит знак равенства между техникой и медиа, т.к. техника, будучи продуктом органопроекции, окажется для него продлением органов чувств человека за пределы его физиологического тела: «А это всего лишь означает, что личностные и социальные последствия любого средства коммуникации — то есть любого нашего расширения вовне — вытекают из нового масштаба, привносимого каждым таким расширением, или новой технологией, в наши дела» [9, с. 9]. Так или иначе, современное понимание техники в философии неразрывно связано с принципом органопроекции, в рамках которого техника не может быть рассмотрена отдельно от человека, более того —

выступает в качестве проекции человека в мире. Итак, сохранение внимания к антропологической проблематике при осмыслении техники сближает современную философию с античной традицией.

Однако возникает вопрос: если сегодня доминирует тенденция рассматривать концепт техники в связи с принципом органопроекции, существуют ли иные варианты сборки концепта, которые не прибегают к этому принципу? В качестве одного из таких вариантов в нашем случае может быть названа акторно-сетевая теория (АСТ), проект которой предполагает предоставление агентности не-человеческим акторам, в числе которых и технические объекты [6]. АСТ является олицетворением тенденции критического пересмотра субъект-объектной парадигмы в современной философии. В таком случае условная «сделанность» техники человеком не обладает каким-либо определяющим значением. Куда более значимым становится то, что актуально делает техника и каков социальный контекст такого действия. В подтверждение этого можно привести знаменитый кейс Б. Латура о дверном доводчике, поломка которого меняет действия других акторов, задействованных в операции по «прохождению в дверь» [8], или кейс А. Мол и М.Д. Лаэт о зимбабвийском втулочном насосе [3]. АСТ предлагает нам подход, который позволяет поставить человека и другие не-человеческие объекты, включая технику, на одну ступень теоретического рассмотрения. В отличие от подхода, который диктует нам принцип органопроекции, в случае с АСТ способ рассмотрения проблемы человек–техника не предполагает построения иерархии, в которой подчеркивалась бы первичность проекции человека по отношению к технике.

Ранее мы указали, что антропологическая проблематика *techne* у Аристотеля выводится из его онтологического аспекта, а именно из противопоставления *techne*, всего того, что есть по причине человека, и *physis*, всего того, что есть по причинам, от человека не зависящим. Однако это не означает, что не существует способов сборки концепта техники в другом формате, не предполагающем этого противопоставления. Наиболее ярким примером здесь может выступить другой немецкий философ техники, Ф. Дессауэр. Попытка представить человека как включенного в природу в контексте концепта техники приводит его к заключению, что сферы антропогенного (технического) и не-антропогенного соотносятся друг с другом без антагонизма, как микрокосм и макрокосм [5]. Другой пример можно найти у Л. Мамфорда, который утверждает, что антагонизм природы и техники имеет социальную природу и возможное общество будущего должно будет перейти к некоторому иному этапу, на котором этот

антагонизм будет преодолен, а технологии станут жизнеориентированными [10].

Наконец, коснемся эпистемологического аспекта *techne*. Вопрос о практической применимости *techne* как типа знания становится ключевым в споре Г. Маркузе и Ю. Хабермаса, нашедшем отражение в статье последнего [14]. Концепт техники, рассмотренный в рамках их спора с точки зрения определенного типа власти, обретает вид технауки – причудливого гибрида технического разума, науки и капитализма под эгидой максимизации прибыли при минимизации издержек. В этом смысле для Хабермаса технический разум – как то, что сфокусировано только на утилитарном – предстает в качестве одного из основных выражений капиталистической максимы массового производства и массового потребления товаров и услуг. Понимание техники Хабермасом восходит к принципу органопроекции, согласно которому вся техника – это проекция органов человека [14, с. 59], и поскольку капитализм связан с господством техники и технического разума, помыслить некоторую иную технику (способную к эмансипации от капиталистической максимы) становится попросту невозможно [14, с. 61]. Именно так сформулирован основной аргумент Хабермаса против Маркузе в вопросе о мыслимости иной, жизнеориентированной техники. Пример данной полемики подчеркивает важность социально-политического аспекта современного концепта техники. Может ли техника и техническое знание (технический разум) иметь эмансипационный потенциал от утилитарного, эффективного и оптимального? Этот вопрос тесно связан как с природой технического знания, так и с социально-политическим смыслом этого знания [14, с. 58]. Poleмика Хабермаса и Маркузе и ее современное продолжение в контексте акселерационизма демонстрируют нам, что ответы на этот вопрос могут отличаться, но в каждом из случаев мы так или иначе сталкиваемся с различными вариациями сборки концепта техники.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что современный концепт техники имеет пересечения с греческим *techne*, но не является тождественным ему. Несмотря на наличие общих проблемных полей, *techne* видится нам как некоторая конкретная сборка концепта техники, придающая связанной с ним проблематике определенное направление. Современная философия, в свою очередь, скорее предполагает сосуществование множества вариантов сборки концепта техники, в качестве одного из которых можно рассматривать греческое *techne*. Эти варианты по-разному затрагивают некоторую общую пробле-

матику, к которой нас отсылает техника в широком смысле слова, что позволяет концепту техники функционировать подобно ярлыку, который отсылает нас одновременно к различным смысловым вариантам его сборки, не отменяющим, а иногда даже дополняющим друг друга. В связи с этим мы полагаем, что основной и, пожалуй, продуктивной чертой концепта техники является его принципиальная множественность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1976.
2. Горохов В.Г., Розин В.М. Введение в философию техники: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 1998.
3. Де Лаэт М., Мол А. Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии // Логос. 2017. № 1. С. 117–232.
4. Дебре Р. Введение в медиологию. М.: Праксис, 2010.
5. Дессауэр Ф. К философии техники. Что есть техника? – термин и сущность // Онтология проектирования. 2016. № 3. С. 390–406.
6. Ерофеева М. Акторно-сетевая теория: объектно-ориентированная социология без объектов? // Логос. 2017. № 3. С. 83–112.
7. Капп Э. Философия машины // Роль орудия в развитии человека. Л.: Прибой. 1925. С. 96–129.
8. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей. М.: Территория будущего, 2006. С. 199–222.
9. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2003.
10. Мамфорд Л. Техника и природа человека // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3130>
11. Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1993.
12. Погорельская Е.Ю. Учение о *techne* в рассуждениях Платона // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 3. С. 134–141.
13. Санжениаков А.А. Истоки аналитического подхода к проблемам техники: Аристотель об *эпистеме* и *технэ* // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С. 128–132.
14. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М.: Праксис, 2007.
15. Шадевальд В. Понятия «природа» и «техника» у греков // Философия техники в ФРГ. М.: Прогресс, 1989. С. 90–103.

REFERENCES

1. Aristotle, 1976. *Sochineniya*: v 4-kht. T. 1 [Works: in 4 vols. Vol. 1]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)

2. Gorokhov, V.G. and Rozin, V.M., 1998. Vvedenie v filosofiyu tekhniki: uchebnoe posobie [Introduction to the philosophy of technology: a textbook]. Moskva: INFRA-M. (in Russ.)
3. De Laet, M. and Mol, A., 2017, Zimbabviiskii vtulochnyi nasos: mekhanika tekuchei tekhnologii [The Zimbabwe Bush Pump: mechanics of a fluid technology], Logos, no. 1, pp. 117–232. (in Russ.)
4. Debray, R., 2010. Vvedenie v mediologiyu [Introduction to mediology]. Moskva: Praksis. (in Russ.)
5. Dessauer, F., 2016. K filosofii tekhniki. Chto est' tekhnika? – termin i sushchnost' [On the philosophy of technology. What is technology? – term and essence], Ontologiya proektirovaniya, no. 3, pp.390–406. (in Russ.)
6. Erofeeva, M., 2017. Aktorno-setevaya teoriya: ob'ektno-orientirovannaya sotsiologiya bez ob'ektov? [Actor-network theory: an object-oriented sociology without objects?], Logos, no. 3, pp. 83–112. (in Russ.)
7. Kapp, E., 1925. Filosofiya mashiny [The philosophy of machine]. In: Rol' orudiya v razviti cheloveka. Leningrad: Priboi, 1925, pp. 96–129. (in Russ.)
8. Latour, B., 2006. Gde nedostayushchaya massa? Sotsiologiya odnoi dveri [Where are the missing masses? The sociology of a few mundane artifacts]. In: Sotsiologiya veshchei. Moskva: Territoriya budushchego, 2006, pp. 199–222. (in Russ.)
9. McLuhan, M., 2003. Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding Media: The Extensions of Man]. Moskva; Zhukovsky: KANON-press-Ts; Kuchkovo pole. (in Russ.)
10. Mumford, L. Tekhnika i priroda cheloveka [Technics and the nature of man]. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3130> (in Russ.)
11. Plato, 1993. Sobranie sochinenii: v 4-kh t. T. 2 [Collected works: in 4 vols. Vol. 2]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)
12. Pogorel'skaya, E.Yu., 2023. Uchenie o techne v rassuzhdeniyakh Platona [The Doctrine of techne in Plato's reasoning], Vestnik Gumanitarnogo universiteta, no. 3, pp. 134–141. (in Russ.)
13. Sanzhenakov, A.A., 2020. Istoki analiticheskogo podkhoda k problemam tekhniki: Aristotel' ob episteme i tekhnike [The origins of an analytical approach to the problems of technology: Aristotle on episteme and techne], Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya, no. 53, pp. 128–132. (in Russ.)
14. Habermas, J., 2007. Tekhnika i nauka kak «ideologiya» [Technology and science as 'ideology']. Moskva: Praksis. (in Russ.)
15. Schadewaldt, W., 1989. Ponyatiya «priroda» i «tekhnika» u grekov [The Greek concepts of nature and technique]. In: Filosofiya tekhniki v FRG. Moskva: Progress, 1989, pp. 90–103. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию /
received 09.06.2025;
рекомендована к печати /
accepted 21.07.2025*

